

По случайному стечению обстоятельств Центральный антиквариат ГДР выпустил фотомеханическое воспроизведение «Средневековых византийцев» И. Г. Краузе¹ в тот же год, когда в серии «Великие цивилизации» появилась «Византийская цивилизация» А. Гийу². Первая книга по византийской культуре, увидевшая впервые свет более ста лет назад, вновь появилась одновременно с наиболее современной книгой о культуре Византийской империи, наиболее современной не только по дате выхода, но и по своей структуре, по использованию опыта, накопленного историками западноевропейской средневековой цивилизации. Так сама судьба этих изданий, их временное совпадение подталкивают нас к вопросу о том, как далеко ушла наша дисциплина за столетие между первым опытом характеристики византийской культуры и, я бы позволил себе сказать, первым на Западе опытом³ представить византийскую цивилизацию в соответствии с современными стандартами медиэвистической культурологии.

Разумеется, монография Краузе была основана на очень ограниченном круге источников: достаточно сказать, что он писал о византийском ремесле, еще не располагая «Книгой эпарха», а о налоговой системе — не ведая о податных трактатах Эшбернера и Караяннопулоса (на с. 276 он специально оговаривает отсутствие таких трактатов). Знание памятников византийского искусства было к 1869 г. совершенно мизерным, а при характеристике византийской администрации Краузе громоздит одну ошибку на другую⁴. Но мне кажется, что сейчас не надо высокомерно или снисходительно отмечать недочеты книги столетней давности, скорее следует удивляться, как вообще автор мог в ту пору создать целостный рассказ о византийской жизни, опираясь почти исключительно на нарративные источники и заполняя лакуны в своих знаниях с помощью общих соображений и интуиции⁵.

Книга Краузе удивительна еще и тем, что в эпоху, когда негативное отношение к Византии было нормой и модой, он попытался реабилитировать империю. Подчас эта реабилитация наивна и строится на неоправданном противопоставлении Византии и «испорченной» современности: в Византии пролетариат еще не добился столь угрожающих успехов, и рабочие ассоциации Лассалья казались бы там глупыми и невероятными (с. VIII); современный обычай регулярно проводить время в ресторане был византийцам, как и римлянам, неизвестен (с. 84 и сл.). Но когда Краузе подчеркивает экономическую активность обитателей империи (с. 73, 278, 284), хорошую обеспеченность столицы продовольствием (с. 87), ограниченность императорской власти (с. 93), заботу государей о престарелых и бедных (с. 110), превосходство византийского вооружения (с. 134), высокий уровень образованности (с. 293, 305 и сл.), он вступает на путь, по которому пошла значительная часть византистики конца прошлого и начала этого века с ее идеализацией византийского централизованного государства. При этом Краузе не закрывает глаза и на пороки империи: на возможность карьеры ловкого, но бездарного чиновника (с. 207 и сл.), на конфискации частной собственности (с. 281), на паразити-

¹ Krause J. H. Die Byzantiner des Mittelalters in ihrem Staats-, Hof- und Privatleben insbesondere vom Ende des zehnten bis gegen Ende des vierzehnten Jahrhunderts nach den byzantinischen Quellen. Halle, 1869 (Leipzig, 1974).

² Guillou A. La civilisation byzantine. — In: Collection des Grandes Civilisations dirigée par R. Bloch. Arthaud, Paris, 1974.

³ К сожалению, мне остались недоступными две новые книги: Bon A. The Ancient Civilization of Byzantium. London, 1972; Arnott P. D. The Byzantines and their World. London, 1973.

⁴ Так, титул деспота Краузе (с. 210) считает следующим после кесаря и обнаруживает его еще до Алексея I; титул проэдра соответствовал, по его мнению, понятию «сенатор» (с. 228), великий логофет — это титул полководца (с. 254), а в великом домашние он видит ранг, близкий к кесарю (с. 215). Приводя отрывок из «Книги церемоний» Константина VII, Краузе замечает, что комментарий к нему и труден, и излишен (с. 239).

⁵ Вот характерный пример таких общих соображений: общественные сооружения, дворцы императоров и частных лиц были щедро украшены произведениями искусства и особенно мелкой пластикой, терракотами, бронзой, мраморными статуэтками, рельефами, «о которых до нас не дошли никакие известия» (с. 44). В современной книге, пожалуй, такое рассуждение было бы невозможным.

ческий характер монашества (с. 75), но они отступают в его изображении перед картиной общего хозяйственного благополучия и правовой устойчивости.

Несмотря на эту идеализацию, книга Краузе трезва. Основной предмет его внимания — сфера материальной жизни. После описания Константинополя с его дворцами и храмами (с. 15—47) следует характеристика различных ремесел и искусств: изготовления мозаик (с. 48—50), сосудов (с. 50—52), предметов культа (с. 53 и сл.), ювелирных изделий из слоновой кости (с. 55 и сл.; 68—72), автоматов, часов, музыкальных инструментов, военных механизмов (с. 56—58), а также ткачества (с. 58—61), живописи (с. 61—65) и монетной чеканки (с. 66—68). Соответствующего описания сельскохозяйственной деятельности византийцев у Краузе нет. За ремеслом естественно следует характеристика быта и нравов городского, прежде всего константинопольского, населения — его социального состава (с. 72—76), его динамичности (с. 76—82), его одежды (с. 83 и сл.) и развлечений (с. 84—89), наконец положения женщины (с. 89—93). Только после этого Краузе переходит к большому разделу об императорах и придворной жизни (с. 93—206), к администрации, войску, дипломатии и финансам (с. 206—286), завершая книгу рассказом об образовании (с. 286—308) церкви и монастырях (с. 308—379) и, наконец, об астрологии и магии (с. 380—405). Такая структура придает книге определенное единство: автор как бы восходит от материальных форм существования общества через его административное устройство к внешним формам духовной жизни. Я подчеркиваю здесь слово «внешние», поскольку Краузе не ставит вопроса о специфике сознания, мышления людей средневековья: его византийцы действуют по тем же законам логики, что и римляне или люди нового времени.

После выхода в свет «Византийцев» Краузе приток нового разностороннего материала невиданно обогатил византиноведение. Колоссальную роль в этом обогащении сыграла «этинологическая» деятельность Ф. Кукулеса, собравшего данные письменных источников относительно разных сторон византийского быта⁶. Но накопление материала на первых порах привело к утрате единства структуры: начиная от книги С. Рэнсимена⁷ вплоть до второй части коллективного тома «Византийская империя» в «Кембриджской средневековой истории»⁸ общие работы по византийской цивилизации строятся как суммы независимых отделов, освещающих разрозненные стороны социальной структуры и духовной жизни империи. Кембриджская история, в частности, складывается из следующих глав, написанных разными авторами и не связанных никакой общей идеей: Администрация, Право, Социальная жизнь, Церковь, Музыка и литургия, Монашество, Богословие, Литература, Наука, Архитектура и искусство, Место Византии в средневековом мире.

Первой попыткой восстановить целостное восприятие византийской культуры явилась книга Г. Хунгера «Империя с новым центром»⁹, однако в отличие от «Византийцев» Краузе она была написана с последовательно идеалистических позиций: материальные условия жизни общества не нашли себе места на страницах «Империи» Хунгера, а главной связующей идеей книги стал процесс христианизации византийского быта, политической структуры и мироощущения.

Чтобы оценить значение книги Гийу, необходимо принять во внимание еще одно обстоятельство — неопределенность понятия византийской культуры, наличие тенденции смешивать историю цивилизации Византии с политической и церковной историей. Возьмем для примера одну из новых работ по византийской культуре — роскошное издание К. Весселя, выпущенное в авторитетной серии «Пособие по истории культуры»¹⁰. В разделе «Господство знати», охватывающем время от се-

⁶ *Koukoules Ph. Vie et civilisation byzantines, vol. I—VI. Athènes, 1948—1957.* За ней последовали более суммированные очерки византийского быта: *Talbot Rice T. Everyday Life in Byzantium. London, 1967; Walter G. La vie quotidienne à Byzance au siècle des Comnènes (1081—1180). Paris, 1966.*

⁷ *Runciman St. Byzantine Civilization. London, 1933 (изд. 3 — London, 1948).* Переведено на ряд языков.

⁸ *The Cambridge Medieval History, IV: The Byzantine Empire, pt. 2. Government, Church and Civilization. Cambridge, 1967.*

⁹ *Hunger H. Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz—Wien—Köln, 1965.*

¹⁰ *Wessel K. Die Kultur von Byzanz (Handbuch der Kulturgeschichte, hrsg. von Eu. Thurner). Frankfurt a. M., 1970.*

редины XI в. до 1204 г., политическая история занимает 13 страниц, церковная — 12, что вместе составляет 25 из 75, т. е. треть объема; в предшествующем разделе «Расцвет Византийской империи» их место еще больше — соответственно 15 и 10 страниц, т. е. 25 из 67. Остальные параграфы отведены праву (вернее, перечислению юридических памятников) и военному устройству, ремеслу, торговле и быту, так что наука и литература умещаются на нескольких страницах, а изобразительное искусство растворяется вовсе.

Книга Гийу принципиально отличается своей структурой от всех предшествующих западных историй византийской цивилизации. Политическая история — в противоположность работе Весселя — в ней отсутствует вовсе, зато книга открывается очерком (гл. 1—2) византийской исторической географии, очерком тем более необходимым, что его, как правило, не включают в себя ни курсы политической истории, ни истории византийской культуры¹¹. Правда, географический экскурс Гийу предельно нарративен, это скорее перечисление областей и городов, нежели осмысление особенностей природы и климата византийского мира. И все-таки важный шаг сделан: ясно, что без понимания специфики географической среды наши представления о византийской цивилизации будут неполными. Драма византийской истории разворачивалась в определенном реальном пространстве; кстати сказать, и Краузе интуитивно чувствовал это, но у него «реальное пространство» ограничивалось Константинополем, его топографией и особенно его художественной атмосферой (совокупностью памятников искусства), Гийу же рассказывает прежде всего о провинции — от Италии с Сицилией и Сардинией (предмета его специальных интересов) до Сирии, Египта и Ливии.

За географическим экскурсом следуют четыре большие главы: Государство, Общество, Хозяйство, Культура (имеется в виду Духовная культура). Достаточно сравнить это оглавление с перечнем глав «Кембриджской истории», чтобы понять коренное различие структур обоих трудов: главы Гийу — не изолированные частицы, но взаимопереливающиеся части единого целого. И хотя нашему читателю порядок государства — общества — хозяйства кажется обратным¹², внутренняя, глубинная взаимосвязь «четырёх элементов» Гийу несравнимо очевиднее, чем связь примыкающих глав Музыка и Монашество, Литература и Наука в кембриджском издании.

Органическое единство присуще и внутренней структуре глав. Глава о государстве начинается с положения императора и с императорского культа (с. 103—108), после чего рассматривается чиновничество в общем виде (с. 108—120), его основные должности в столице (с. 121—128) и провинции (с. 128—131) и особо «ассамблеи», собрания «народа» и высших чинов («сенат», или синклит). От организации чиновничества Гийу логично переходит к его функционированию — к пяти большим ведомствам византийской администрации: финансовому (с. 133—149), судебному (с. 149—157), дипломатическому (с. 157—164), военному (с. 164—175) и церковному (с. 175—193). Рассмотрение церкви как особого государственного ведомства резко отличает книгу Гийу от большинства западных работ по византийской цивилизации: церковь лишается своего сверхреального ореола и включается в сеть вполне земных учреждений.

Столь же четко организованы и две следующие главы — об обществе и хозяйстве. При этом Гийу рассматривает общественные классы и профессии (с. 203—212), общественные связи (с. 212—222), собственность на землю (с. 243—246), обработку земли (с. 246—259), положение крестьян (с. 260—263), городскую жизнь в Константинополе и провинции (с. 263—304), ремесло и торговлю (с. 304—316). Правда, грань между социальными и экономическими феноменами не всегда достаточно убедительна и, с моей точки зрения, вопросы о положении париков (с. 261 и сл.) или о принадлежности земли государству (с. 243 и сл.) скорее должны относиться к главе об обществе, чем о хозяйстве, но взятые вместе эти главы дают

¹¹ Если я не ошибаюсь, единственное исключение — книга: *Каждан А. П., Литаврин Г. Г. Очерки по истории Византии и южных славян*. М., 1958.

¹² Ср. аналогичную структуру в моей «Византийской культуре» (М., 1968): гл. 1. Присвоение мира (=Хозяйство); гл. 2. Социальные связи (=Общество); гл. 3. Власть (=Государство).

последовательное и глубокое представление о византийской хозяйственной и общественной структуре, освещая такие ее стороны, которых не касался не только Краузе, но и более поздние западные историки византийской культуры.

Целостность «Цивилизации» Гийу отчетливо обнаруживается также в опыте характеристики основных категорий византийской культуры, своего рода параметров, пронизывающих разнородные сферы жизни: таковы прежде всего разделы «Образ мышления» (с. 222—241), где рассматривается представление византийцев о времени, труде, свободе, порядке и т. д., и «История эмоциональности» (с. 378—397), посвященная символам, понятию о прекрасном, вере, молитве и народным верованиям (самое сочетание таких феноменов должно было бы показаться авторам «Кембриджской истории» еретическим).

Целостное восприятие византийской культуры сочетается у Гийу (и это опять-таки отличает его от его предшественников, и особенно от Краузе) со стремлением представить ее в адекватных ей понятиях, не модернизируя византийцев и не «подтягивая» их до наших современников или до античных греков. «Хотя о государственной конституции в современном смысле слова, — так начинает Краузе главу об императорской власти (с. 93), сразу же отталкиваясь от привычных ему понятий, — здесь не могло быть речи, тем не менее абсолютный самодержец был куда более ограничен и к тому же подвержен большим опасностям, чем какой-нибудь монарх в наши дни». Соответствующая формулировка «Кембриджской истории» кажется противоположной, но при этом остается в том же круге представлений: «В Византийской империи концепция супрематии монаршей власти укоренилась прочнее и меньше подвергалась сомнениям, чем где-либо в средневековой Европе», — эти вводные слова В. Энслина к главе об администрации (с. 1) исходят из сложившихся понятий современного государственного права. По-иному у Гийу: его глава о государстве открывается определением Иоанна Дамаскина (с. 103), а не рассуждениями о супрематии и конституции — и это не случайно. То же относится и к следующей главе: характеристику контрастов византийского общества Гийу вводит противопоставлением рабов и свободных, как его давали византийские юристы (с. 197). И глава о хозяйстве открывается противоречием самого византийского мышления — между идеей о том, что земля, подобно солнцу и воздуху, есть собственность бога, и концепцией принадлежности земли государю или государству (с. 243). Задача Гийу — приблизиться к сознанию самих византийцев, к их пониманию своей экономики, своих общественных противоречий, своих этических и эстетических проблем, и эту задачу, повторю еще раз, не ставили перед собой не только Краузе, но и авторы «Кембриджской истории».

Это отнюдь не значит, что Гийу вообще пренебрегает современными научными понятиями. Он пользуется термином «господствующий класс» (с. 203), он анализирует общественные отношения (*liens de dépendance*) и приходит к выводу об индивидуализме как характерной черте связей (*cohésion*) в византийском обществе (с. 212). Все эти термины: господствующий класс, общественные отношения, индивидуализм, связи в обществе — не имеют византийских аналогов. Но Гийу наполняет их византийским содержанием: он стремится показать, как византийцы понимали семью и брак (с. 213) и какие специфически византийские условия определяли «слабость монастырской общины» (с. 220).

Осмысление Византии в адекватных Византии понятиях ведет к отказу от оценочного подхода к ней: Гийу не имеет в виду ни осудить, ни реабилитировать (как Краузе) империю ромеев — он хочет понять ее в ее неповторимой специфике.

Стремление представить византийский мир в адекватных ему образах придает книге Гийу конкретность: здесь мы найдем не общие рассуждения в стиле Краузе, но богатый фактический материал.

Книга Гийу современна по характеру привлеченных источников: это не только нарративные памятники, лежавшие в основе труда Краузе, но документы, письма, речи, трактаты, богословские сочинения — все написанное пером рассматривается теперь как памятник культуры и потому как источник для ее изучения. Привлекаются и иноязычные свидетельства — западных и восточных наблюдателей. В очень широком масштабе используются археологические и нумизматические материалы и произведения искусства, что позволяет увидеть и изобразить в конкретных очер-

танях ремесленное производство и быт империи. При этом в самой книге постоянно присутствуют и выразительные цитаты, и археологические планы, и свежие иллюстрации из лицевых рукописей. Византия глазами византийцев — это не только принципиальная идея книги, но и принцип ее оформления.

Но есть один существенный пункт, в котором Гийу не пошел дальше Краузе и других своих предшественников. В подзаголовке книги Краузе стоит: «преимущественно с конца X до конца XIV в.» Осторожное словечко «преимущественно» не мешает Краузе, как только ему не хватает источников X—XIV вв., обращаться к ранневизантийским авторам — Прокопию, Аммиану Марцеллину и т. п. Хотя во введении Краузе выделяет некоторые периоды византийской истории (с. XIX—XXI), в ходе изложения он не принимает во внимание собственной периодизации, и это по-своему последовательно, ведь для него изменяется только политическая ситуация и успехи чередуются с неудачами, но сами византийцы остаются теми же людьми, довольно похожими на римлян и на современников Краузе в одно и то же время. Апелляция к ранним источникам — плод не только бедности материала в середине XIX в., но и результат концепции социокультурной неподвижности Византии.

Идея социокультурной неподвижности Византии доминирует в современной исторической науке. По-прежнему, как во времена Краузе, историю культуры излагают обычно без оглядки на время, и если Вессель в цитированной выше книге (см. прим. 10) разделяет материал на несколько периодов, то лишь для того, чтобы подчеркнуть, что практически со временем мало что менялось (см., например, с. 314, 338, 366), — нигде он не пытается взглянуть на тот или иной период как на органическое целое, связанное определенным внутренним единством. Сравнительно недавно А. Тойнби справедливо писал: «Если спросить нашего образованного современника с Запада, какая идея ассоциируется прежде всего в его мозгу со словом «византийский», — он назовет, скорее всего, «консерватизм»¹³. Устоявшееся представление о византийской консервативности Тойнби подвергает критике¹⁴, впрочем довольно ограниченной, ибо он больше говорит об отличии византийского мира от античности, нежели об имманентной самой Византии эволюции.

Гийу допускает известные перемены в характере византийского общества. Он признает, к примеру, перестройку господствующего слоя в X—XII вв. (с. 204), говорит о постепенной эволюции административной организации (с. 116). Но, подобно Краузе, он ограничивает периодизацию лишь политико-географической сферой: у него чередуются Византия как владычица Средиземноморья, Византия, отнесенная к северу Средиземноморья, Империя в Эгейском бассейне, Империя на Пропонидах... Ну, а социокультурная трансформация? Ее словно и не было.

Один из основных вопросов, на которые должен ответить византист, — пережила ли империя экономический спад в VII в. В 1955 г. я выдвинул мысль, что византийский город с конца VII до середины IX в. находился в состоянии хозяйственного упадка, а его новый подъем приходится на XI—XII вв.; в 1970 г. сходные взгляды были высказаны М. Хенди¹⁵, который опирался примерно на тот же круг археологических и нумизматических данных. Мне кажется, что эта периодизация экономической истории города не менее существенна для понимания развития его духовной культуры (в частности, расцвета литературы и искусства в XI—XII вв.), чем эволюция географического ареала. Но в большом разделе о городах Гийу практически не затрагивает этот вопрос, несмотря на многообещающую (хотя и не очень ясную) вводную фразу о «тесном параллелизме между эволюцией крупной земельной собственности и зависящим от нее подъемом городской экономики» (с. 263): из его книги создается впечатление, что, кроме Герасы, исчезнувшей в середине VIII в. (с. 297 и сл.), все позднеимперские города в неизменном виде влились в византийское общество.

¹³ *Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and his World. London—New York—Toronto, 1973, p. 524.*

¹⁴ *Ibid., p. 525—574.*

¹⁵ *Hendy M. F. Byzantium, 1081—1204. An Economic Reappraisal. — «Transactions of the R. Historical Society», 20, 1970, p. 31—52. Там и литература вопроса.*

И как развитие города заменено описанием городов, так и развитие литературы и искусства заменено описанием жанров. Вместо проблемы «Человек в византийском искусстве и литературе» (а именно она должна быть предметом культурологической трактовки прежде всего), вместо анализа эволюции художественных приемов и средств мы найдем у Гийу параграф о литературной продукции (с. 334—360), причем слово «литературный» пренебрежительно берется в кавычки; в этом параграфе перечисляются — вне временной связи — разные жанры: экзегеза, аскетические наставления, роман, история, риторика, философия, поэзия и т. д. Но что дает такой каталог для понимания отношения византийцев к миру, их самосознания? А ведь именно этот принцип положен самим Гийу в основу его анализа.

Когда Краузе отказывался от изображения культурной и бытовой эволюции Византии, это, как мы видели, отвечало его общей историко-философской концепции. Аналогичное вневременное построение византийской культуры у Гийу, напротив, противоречит тому новому подходу к византийской цивилизации, который отличает книгу французского ученого. Византия представляла собой особый культурный феномен, особую цивилизацию, но эта цивилизация не была неизменно однородной: она прошла определенные этапы, имевшие собственное лицо, — империя Проливов была не просто меньше Средиземноморской империи, но поднимала иные культурные проблемы и решала их иными средствами.

Краузе не мог ставить вопрос о социокультурном развитии Византии еще и потому, что в его время доступный науке круг фактов был ничтожно мал. Теперь мы стали куда более богатыми. Проблема развития встает при изучении самых разных сторон византийской жизни — от социальных отношений до книжной миниатюры. Остается выяснить, было ли это «частное» развитие, наблюдаемое в разных социокультурных сферах, независимым или мы имеем дело с закономерными и взаимосвязанными процессами, знаменующими переход от одного этапа к другому.

А. П. Каждан

Феодалная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974, 216 с.

Средневековая Таврика остается до сих пор слабо изученной страной, особенно ее южные районы, наиболее заселенные в древности, а ныне наиболее застроенные; археологическое исследование их поэтому сильно затруднено. Появление сборника статей, содержащих материал, добытый раскопками, производившимися здесь свыше 10 лет (1957—1968), вызывает, естественно, большой интерес, тем более что материал этот весьма разнообразен: он включает и сельские поселения, и крепости, и культовые постройки, и массовую керамику — бытовую и строительную. Авторы статей стремятся исторически осмыслить этот материал: они ставят значительные и глубокие проблемы.

Сборник состоит из двух неравных частей: первая (7 статей) названа «Археологические исследования», вторая (4 статьи) — «Свидетельства источников». Статьи первого раздела основаны на впервые публикуемых археологических материалах, добытых раскопками преимущественно в южнобережной Таврике. Статьи второго раздела посвящены Солхату и Кафе генуэзских времен, и только одна — более раннему времени: «восстанию Иоанна Готского», т. е. событиям конца VIII в.

Самой крупной в первом разделе является статья О. И. Домбровского «Средневековые поселения и „исары“ Крымского Южнобережья» (с. 5—56). Работа охватывает обширный район от Ласпи до Алушты, где на протяжении 1957—1968 гг. работала экспедиция Института археологии АН УССР. В статье приводятся краткие описания, схемы планировки средневековых поселений, крепостей и пр. Материал этот — наиболее существенная часть статьи О. И. Домбровского, содержащая немало вновь открытых памятников; к ним относится укрепление Алушты, поселения в Ласпиинской долине, в районе Симеиза с монастырем Панеа (где открыт мозаичный пол), монастырь на горе Ай-Тодор, замок на горе Хачла-Каясы, укрепление Исар-кая над Гаспрой, храм в верхней Массандре и др.